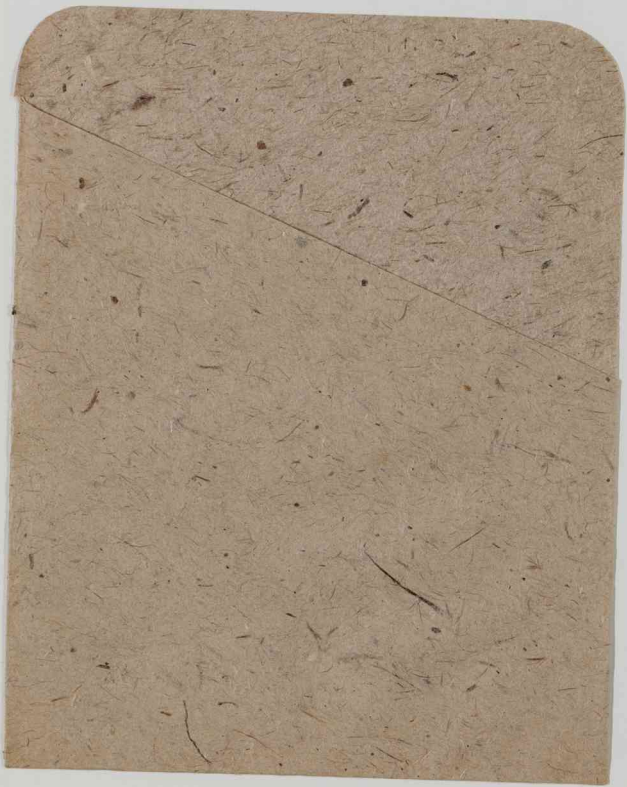

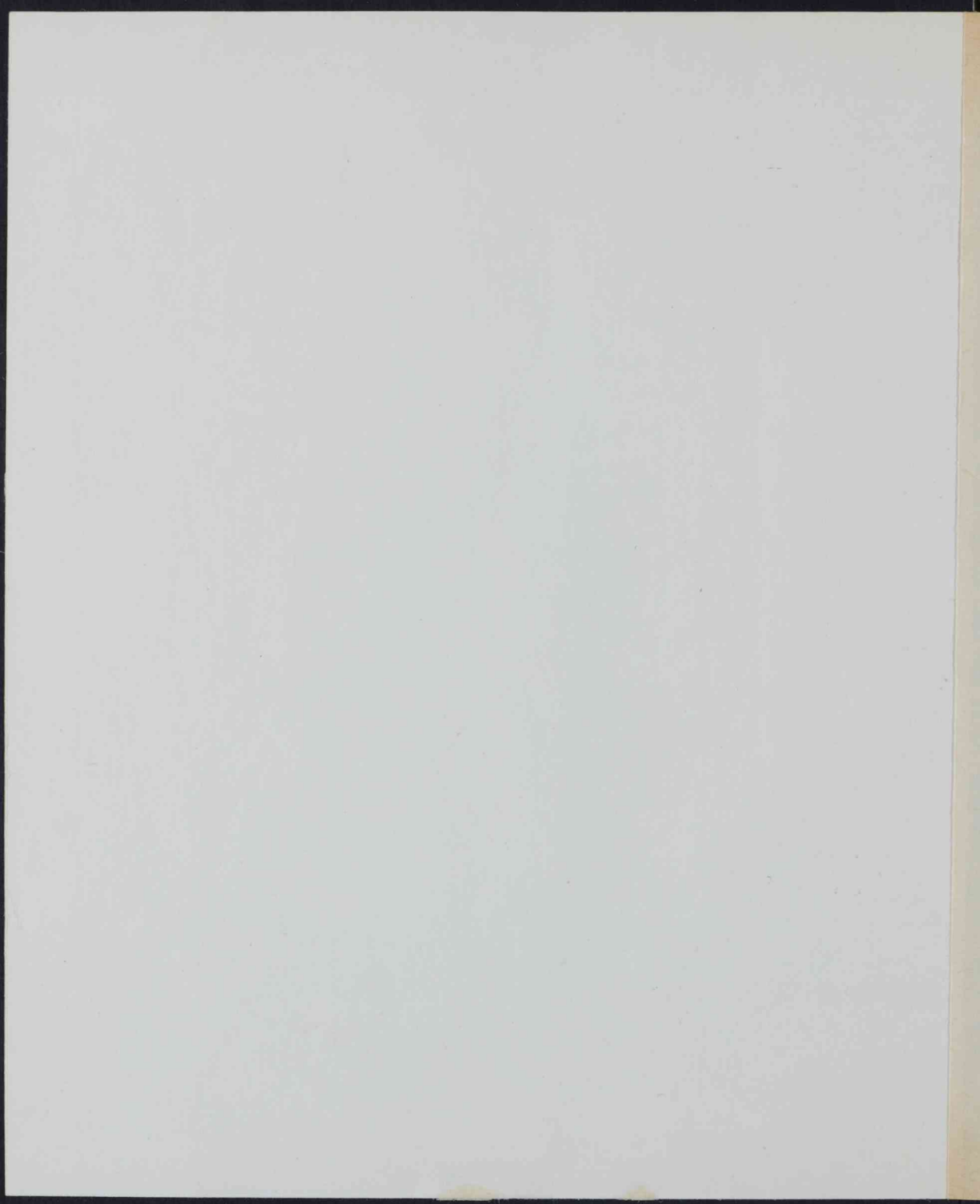
К 28.2
+К 87
3-12

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ ЗАСТАВЫ

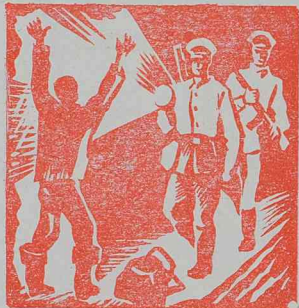

ПЕСНЮ ОТЦОВ
ДОПОЕМ

Очерки, документы и
хроника

ВЫПУСК ВТОРОЙ

Иркутск 1988
Восточно-Сибирское
книжное издательство

ЛИТЕРАТУРНО-
★ ХУДОЖЕСТ-
★ ВЕННЫЙ
★ ИСТОРИКО-
★ ПУБЛИЦИС-
★ ТИЧЕСКИЙ
★ СБОРНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ
ЗАСТАВЫ

P2
312

Редакционная коллегия:

В. М. Розов
Е. Е. Куренной
Ю. И. Бурькин
В. Б. Мурин
Н. Е. Медведев
Н. Е. Суханов

Составитель — Е. Е. Куренной
Фото — В. И. Смирнова

Забайкальские заставы: Сборник, выпуск вто-
312 рой. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное из-
дательство, 1988. — 208 с., ил.
1 р. 10 к.

Сборник литературно-документальных материалов об истории и
сегодняшних буднях солдат и офицеров, комсомольцев и коммунистов
Забайкальского пограничного округа.
Посвящается 70-летию пограничных войск КГБ СССР.

З $\frac{4702010200-12}{M141(03)-88}$ 11-88

P2

ISBN 5-7424-0056-x

© Восточно-Сибирское
книжное издательство, 1988

НЕЗРИМЫЙ ФРОНТ

Аргунь-река —
В распадах травы,
В изгибах — знак береговой.
И обелиски по заставам,
Как след истории самой.
Один герой еще в двадцатом
От белых землю защитил.
Другой — отмечен в сорок пятом,
Когда японцев здесь громил.
В ряду сынов границы знатной
Друзей моих есть имена,
И умалить их подвиг ратный
Бессильны даже времена.
Незримый фронт — черта границы.
Здесь пахнет порохом порой,
Геройством пишутся страницы,
Когда враг вынудит на бой.
Покой страны,
Полеты в космос
И счастье матери родной,
Пожалуй, здесь берут начало —
У кромки этой боевой.

НИКОЛАЙ СУХАНОВ

Несколько лет назад Восточно-Сибирским книжным издательством по инициативе политического отдела Краснознаменного Забайкальского пограничного округа был выпущен литературно-публицистический сборник «Забайкальские заставы». Книгу эту хорошо встретил массовый читатель, скоро она стала библиографической редкостью. Успех сборника, на наш взгляд, был вызван не только литературной добротностью опубликованных в нем материалов, но и в немалой степени нарастающим интересом советских людей к героическому прошлому своей Родины, боевым будням защитников границы, большой любовью и вниманием, которыми окружены пограничные войска в народе.

Учитывая этот неугасающий читательский интерес к теме, а также то, что со дня выхода первой книги в свет накопилось значительное количество новых произведений, да и в самой жизни забайкальских пограничников произошло немало знаменательных событий, достойных отражения в печати, подготовлен второй выпуск «Забайкальских застав». Составители сборника старались соблюдать принцип преемственности. В книге выпуска 1979 г., например, было рассказано о пяти героях-пограничниках, чьими именами названы заставы округа, — Г. Гармаеве, Н. Олешева, В. Козлове, Я. Перфишине и М. Деревянко. В нынешний выпуск вошли произведения о том, как несут службу наследники боевой славы — солдаты и офицеры именных застав. Можно было бы привести и другие примеры. Все они лишь подтверждают мысль о том, что на границе, как нигде, дорожат традициями, заложенными старшими поколениями, что как раз ими, традициями, и сильны заставы.

В очерке Василия Балябина «Амнистия» рассказывается о том, как демобилизованные бойцы НРА и красные партизаны, с оружием в руках вернувшиеся в приграничные села и станицы, стали первыми стражами молодой республики на ее восточных рубежах. С большим знанием дела повествует Василий Иванович Балябин о тех неимоверно трудных первых месяцах службы. Не было единой военной формы. Не хватало людей, лошадей, боеприпасов. А в прикордоне копили силы недобитые семеновцы и прочая белогвардейщина, зрели новые заговоры против Советской власти, всюду процветал контрабандный промысел.

Мы сейчас привыкли к выражению, что пограничник — полноправный представитель своей страны на ее рубежах, политический боец и дипломат одновременно. Очерк В. Балябина интересен как раз тем, что отражает один из первых опытов пограничной дипломатии в Забайкалье. Рискуя жизнью, чиновники переправляются через Аргунь в стан врага, чтобы разъяснить казакам суть амнистии, дарованной Советской властью тем, кто был обманут белогвардейской пропагандой. И, несмотря на кажущуюся безнадежность этого рискованного предприя-

тия, добиваются поразительного результата. Многие казаки вернулись к своим семьям, к земле отцов. Вернулись, чтобы трудиться на благо своей настоящей Родины.

Яркой страницей в боевую летопись округа вошли сороковые годы. Плечом к плечу стояли у советских границ здесь, на Востоке, пограничники и воины Забайкальского фронта. Неимоверной выдержки, отточенной зоркости и мужества требовала от них служба и напряженная боевая учеба под прицелом орудий Квантунской армии. Этой теме посвящены повесть Владимира Шорора «Пошлите меня в разведку» и очерк Евгения Николаева «Мгновения сорок пятого». Немалые испытания выпали на долю воинов-забайкальцев. Но они выстояли. Они не поддались на провокации японской военщины. А когда пришел час расплаты, обрушили на последний оплот фашизма всю накопившуюся за четыре года ненависть к врагам Родины, проявили массовый героизм и мужество в разгроме японских полчищ и поставили последнюю точку во второй мировой войне.

Сама специфика нашей службы, постоянный контакт, то ли зрительный, то ли непосредственный, с представителями сопредельного государства воспитывают у пограничника одно из прекраснейших человеческих качеств — чувство пролетарского интернационализма. Советскому воину далеко не безразличны судьба народа, находящегося по ту сторону незримой черты, разделяющей нас, его беды и радости, надежды и чаяния. История погранвойск богата фактами искреннего участия и дружеской помощи, оказываемой гражданам сопредельных государств. Особенно, если дело касается помощи братским народам соцстран. Сошлемся на примеры, имеющиеся в данном сборнике.

В очерке Юрия Кисловского «Жаркие дни Халхин-Гола» речь идет о бойцах и командирах сводного батальона, сформированного из пограничников округа для отражения вероломного нападения Японии на нашего социалистического соседа — Монголию. Само название монгольской пограничной реки — Халхин-Гол стало с 1939 года символом интернационального братства и боевого содружества. Советское командование высоко оценило мужественные и умелые действия пограничников по выполнению интернационального долга. «Отдельный пограничный батальон, — говорилось в приказе, подписанном комкором Г. К. Жуковым, — с честью выполнил возлагавшиеся на него Военным советом армейской группы боевые задания на фронте и по очищению тыла действующей армии от шпионов и диверсантов». А Маршал МНР Чойбалсан объявил всему личному составу батальона благодарность.

Или взять другой очерк — «В Маньчжурском походе». Его автор, полковник запаса Степан Сидоров, ныне работает в Центральном музее погранвойск. А более сорока лет назад он в составе подразделений пограничников, выделенных для охраны тылов действующей армии и

поддержания порядка на отвоеванной у противника территории, прошел и проехал почти через весь Китай. Воспоминания ветерана интересны прежде всего тем, что рассказывают о малоизвестной странице боевой деятельности погранвойск. Наряду с примерами героической борьбы пограничников с агентурой Квантунской армии, оставленной для подрывной работы в тылах Забайкальского фронта, в очерке показан великий гуманизм советских воинов-освободителей. Они не только помогали китайскому народу налаживать мирную жизнь, делясь последним куском солдатского хлеба, но и защищали его от налетов хунхузов, укрывавшихся от пленения японских военнослужащих и прочих бандитов.

Немало страниц сборника отведено показу сегодняшних будней часовых забайкальской границы, достойно встречающих 70-летие пограничных войск. Воины частей и подразделений округа живут в атмосфере высокого политического и делового подъема, вызванного историческими решениями XXVII съезда партии, установками последующих Пленумов ЦК КПСС. Повсеместно нарастает процесс многоплановых, крупномасштабных преобразований, охватываемых емким и призывным словом — перестройка.

Лучшие качества пограничников 80-х годов раскрываются в материале о лауреате премии Ленинского комсомола офицере В. Фещенко, в очерках «Бросок за «диверсантами», «Алый светobelиска». Эти качества пришли к героям не сами по себе. Они — итог большой, кропотливой работы с молодыми солдатами и офицерами командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций.

«К нам приходят восемнадцатилетние юноши, думающие, что граница — это погони, перестрелки и рукопашные схватки: этакая боевая праздничность без будней, без обыденности, — размышляет над проблемами воспитания воинов-патриотов в очерке «Моя граница» генерал-майор Иван Андреевич Скотников, который в 70-е годы возглавлял политический отдел войск округа.

— Им кажется, что достаточно взять в руки автомат, и они станут грозой всех шпионов и диверсантов. Потом они поймут, что граница — это прежде всего трудовые солдатские будни, что она крепка добротным солдатским трудом каждого — от рядового до генерала...

Всякий раз, беседуя с новобранцами, говорю и об этом. Я не ищу в таких беседах эффектных словесных оборотов. Я говорю о том, во что абсолютно верю... Нет любви к Родине, — говорю я им, — чувства долга, преданности, существующих самих по себе, — все реализуется в труде. Труд является основой всех служебных успехов, а когда обстоятельства становятся исключительными, — и подвига».

На это — на пробуждение в каждом пограничнике высокой служебной активности, стремления напряженным ратным трудом готовить себя к будущим подвигам, и нацелены наши воспитательные усилия.

Примечательно, что второй выпуск «Забайкальских застав» приурочен к важной дате в жизни страны — 70-летию со дня рождения пограничных войск КГБ СССР.

28 мая 1918 года Владимир Ильич Ленин подписал декрет Совнаркома, которым были определены значение и принципы охраны границ молодого социалистического государства, функции пограничных войск республики. На всех этапах своего существования советские пограничные войска показывали преданность коммунистическим идеалам, верность великому учению марксизма-ленинизма, любовь к социалистической Родине и готовность сражаться с ее врагами на передовом рубеже до последнего дыхания. Этим заветам, этим идеалам они верны и сегодня.

По прочтении сборника убеждаешься: подвиги героев нашего Краснознаменного Забайкальского пограничного округа не забыты, они живут в делах и помыслах сегодняшнего поколения стражей Отечества. Дело охраны и защиты государственной границы — в надежных руках.

«Мы убеждены, что советские чекисты, воины-пограничники всегда будут находиться на высоте предъявляемых к ним требований, будут проявлять бдительность, выдержку и твердость в борьбе с любыми посягательствами на наш государственный и общественный строй», — так сказано о нас на XXVII съезде КПСС. Высокая оценка партии воспринимается личным составом как аванс, как надежды на наши более высокие результаты в службе, боевой и политической подготовке, укреплении дисциплины, организованности и порядка. И пограничники-забайкальцы полны желания, стремления оправдать надежду. Все необходимое для этого у нас есть.

Генерал-майор В. А. ГУБЕНКО,
начальник войск Краснознаменного Забайкальского
пограничного округа КГБ СССР

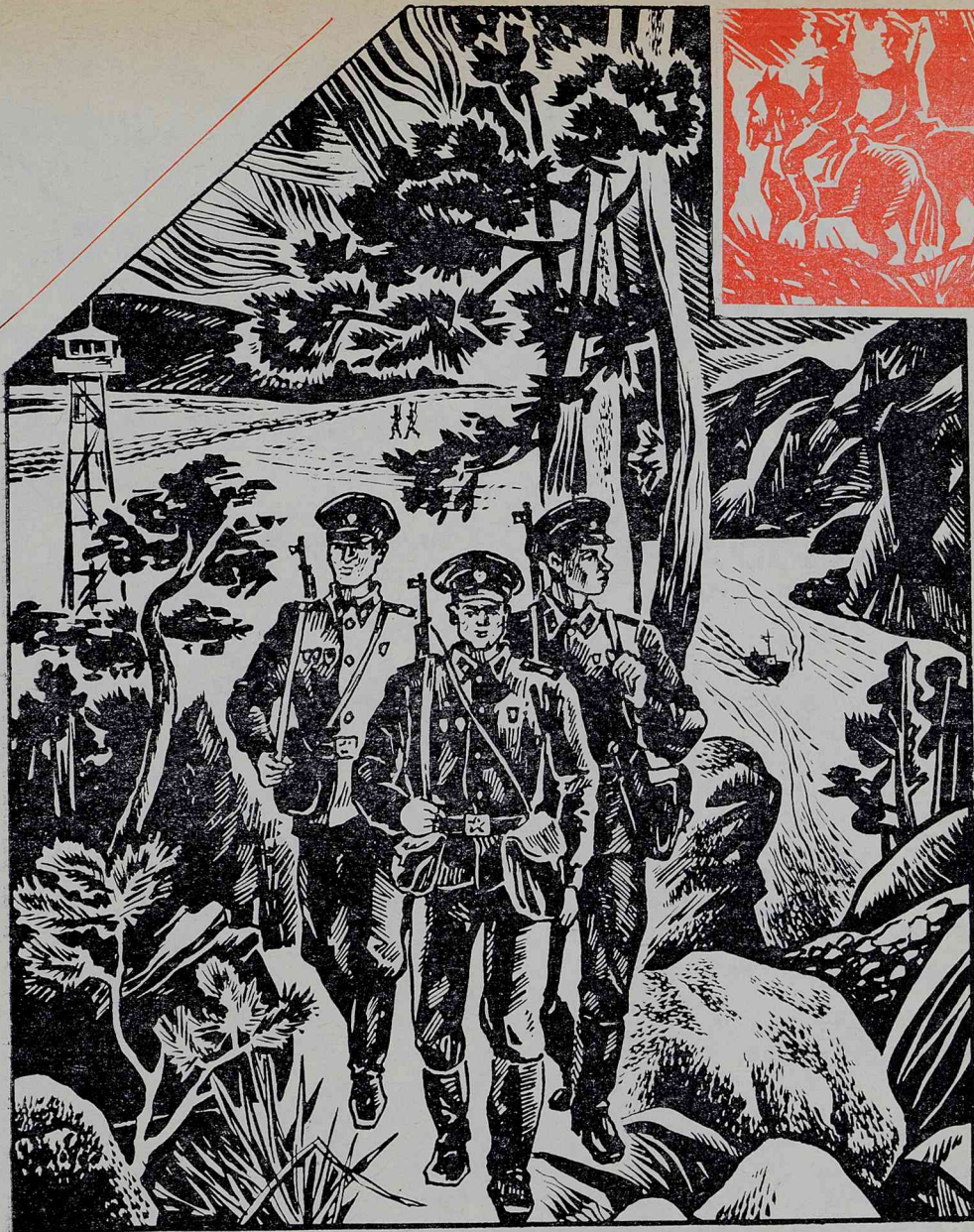
ИМЕНН ГЕРОЕВ

БЕЗ ВЫСТРЕЛА

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

ПЕРФИШИНЦЫ

ИХ СУДЬБА — ГРАНИЦА

Тем летом в Забайкалье стоял жестокий зной. К полудню белесое небо над горной тайгой провисало, расплавленное громадным косматым солнцем, и плотный горячий воздух погружал все живое в сонную одурь. Ни один лист не шевелился на истомленных деревьях, до заката умолкали беспокойные пичуги, черные коршуны и серые ястребы, раскрыв клювы, дремали в густых кронах, в глубокие пади, до середины лета сохранившие сырость и прохладу, попрятались звери, и даже рыбы, призрачно мелькающие в текучем хрустале горных рек, искали тени. Казалось, лишь людей не мог победить оглушающий зной — они занимались привычным делом, используя каждый светлый час короткого лета. Как и всегда, по редким таежным дорогам пылили груженные машины, под мерное ворчание грейдеров загорелые строители-дорожники ремонтировали и прокладывали трассы, на таежных делянках звенели пилы и топоры, в речных долинах паслись стада и трещали сенокосилки, в глуши темноборий бродили и перекликались сборщики драгоценной живицы.

Наверное, только двух человек во всем огромном крае не устраивало рабочее оживление в забайкальской тайге, издавна казавшейся такой малолюдной. Они незаметно сошли с поезда на глухом полустанке и сразу скрылись в лесу, избегая дорог и даже тропок. Малоприметные в поношенной дорожной одежде, с рюкзаками, невысокие, смуглолицые, в иных местах они не опасались бы привлечь к себе внимание. Грибники, любители поохотиться на тайменей и хариусов, сборщики черемши и красной смородины-кислицы, уже заалевшей по приречным зарослям, — мало ли праздного люда бродит по лесам в пору летних отпусков? Но край этот был пограничный, и оба хорошо знали, что здешние жители приметливы и наблюдательны. Поэтому лучше избегать посторонних глаз. Другом пограничников мог оказаться и старик с лукошком в смородиновых зарослях, и мальчишка с удочкой на тихом пойменном озере..

Ни разу не передохнув, они пересекли несколько крутых каменистых увалов, поросших корявым сосняком, и вот уже шестой час извилистое русло пересохшего ручья с редкими бочажками стоялой теплой воды ведет их к югу. Тени деревьев, укоротившись до предела, снова начали расти, на открытых местах камень дышал нестерпимым жаром, словно протопленная печь, прокаленный воздух царапал легкие — самая пора забраться в тень и передохнуть, — однако первый не укорачивал шага и не оглядывался. Его спутник захромал. По-юношески щуплый, узкоплечий, он согнулся под тяжелым рюкзаком и все тяжелее тащился через колючие кусты, припадая на большую ногу. Наконец он потерял своего ведущего в зарослях тальника и черемухи. Плотный, сбитый, скуластый, тот сразу остановился, сжав лямки рюкзака цеп-

жими пальцами, и молча смотрел исподлобья темными, холодными глазами. Когда отставший приблизился вплотную и, тяжело вздыхая, обмахнул свое усохшее, искусанное таежным гнусом лицо, старший заговорил бесцветным птичьим голосом:

— Пока не устал твой начальник, ты уставать не можешь.

Верхняя губа его, поросшая редкими волосками, дрогнула в усмешке, он повернулся, пошел, не оглядываясь. И все же скоро почувствовал, что позади никого нет. Круто, всем корпусом обернулся, шагнул в густой ольховый куст, затаился, положив ладонь на рукоять широкого охотничьего ножа. От усталости и дурманящего зноя шумело в ушах, на солнцепеке противно ныли пауты и слепни, чуя близость живого потного тела, и от их злого нытья накалялась злость человека. Наконец послышались тяжелые, неровные шаги, спутник неосторожно вывалился на поляну из зарослей, постанывая, проковылял мимо. Начальник мгновение смотрел в его спину со странным выражением, потом скрипнул зубами, неслышно выступил из куста, негромко окликнул. Тот оглянулся, облегченно перевел дух, упал в траву.

— Радуйся,— так же негромко приказал старший.— Остуди ноги в ручье. Живей...

Проследив немигающими глазами за тем, как спутник торопливо разулся и сунул голые, тощие ноги в бочаг, подошел вплотную.

— Чтобы перейти границу следующей ночью, мы должны идти весь этот день. В темноте бродить будет опасно. А завтрашний день нам потребуется, чтобы провести разведку и выбрать место перехода.— Он сунул руку в карман, извлек металлическую коробку, вытряхнул на ладонь темно-зеленый шарик.— Проглоти. Тебе этого хватит до ночи. Потом еще дам.

Младший затравленно глянул снизу вверх, поспешно сказал:

— Теперь я и так выдержу...

— Проглоти. Я ведь не понесу тебя на спине. И здесь не оставлю. Живого, конечно.— Верхняя губа его снова дрогнула, он коснулся рукояти ножа. Младший торопливо кинул шарик в рот.— Не бойся. Ты не умрешь. Если выдержишь дорогу. А не выдержишь... Тайга большая, тебя найдут не скоро, если найдут. А найдут, так не узнают. Там ведь не простят, если ты попадешь в руки пограничников. Так что выбор у тебя небольшой.

— Я знаю.— Младший проглотил сухой комок.

— Тогда обувайся. И помни: первое твое отставание может быть последним, если даже потеряешься. Я не люблю, когда мои приказы плохо выполняются...

Теперь они избегали открытых мест, время от времени останавливались — оглядеться, вслушаться в таежное безмолвие. Тени деревьев и сопки удлиннились, слепни атаквали уже не так назойливо, слабым ветерком потянуло в распадках, и в этом ветерке ощущался запах

влаги. Где-то, уже недалеко за лесистыми сопками, бежала река, в нескольких километрах за нею — граница. Младший почти перестал хромать, не гремел камнями, не охал, оступаясь; он двигался теперь почти так же ловко и бесшумно, как его начальник. Вероятно, внешняя бодрость давалась ему нелегко, но он изо всех сил старался показать, что не станет обузой своему хозяину.

Тот и в самом деле стал безраздельным его господином. Оба они родились и выросли на востоке, с детства знали, что существуют средства замедленного, тихого убийства, напоминающие мину с часовым механизмом. И младший почти не сомневался, что в зеленом шарике заключен не просто допинг, а яд. Этот яд может «дремать» в человеке и несколько часов, и несколько суток, не причиняя видимого вреда. Все дело во второй пилюле, которую даст ему начальник: либо она уничтожит проглоченную отраву, либо заставит ее действовать. А тогда — мгновенная смерть... Всади сейчас нож в спину идущему впереди начальника — все равно не спасешься. Ведь только начальник знает, какую пилюлю из его железной коробочки надо глотать. И другое знает только он же: сколько часов или суток спутник его может прожить, не принимая спасительного противоядия...

Не первый день они знают друг друга, но почему-то лишь сегодня младший стал замечать волчьи повадки того, кого назначили его начальником. Эта поразительная неустойчивость! После восьми часов пути через каменные увалы и чащобы, в изнуряющей духоте он идет тем же скользким, неслышным шагом, каким уходил от полустанка. И усмешка у него волчья — вздернется губа в редких волосках, блеснет из-под нее плотный ряд белых зубов, а в глазах — беспощадный, дремучий холод. И реакция быстрая, безошибочная, как у зверя. А главное — цель, темная и, конечно, жестокая.

Оба они приехали в чужую страну легально, в любой день и час так же легально могли покинуть ее. Зачем же этот опасный переход через границу тайком, в третью страну? Значит, начальник несет с собой что-то такое, с чем нельзя соваться в таможеню. Младший не расспрашивал его: ответа все равно не получил бы, а за любопытство можно поплатиться жизнью. Он знал, что обязан повиноваться, и повиновался молча. Особенно теперь.

Вчера начальник сказал: здешнюю границу русские называют границей дружбы, поэтому он и выбрал ее для перехода. Легче пройти там, где царят тишина и мир, а не там, где вражда и подозрительность. Правда, по другую сторону тоже придется действовать тайно, но там легко затеряться в просторах гор и степей, а потом встретят друзья. Начальник мудр, и ему надо верить. Особенно если он господин твоей жизни...

Наверное, они все-таки не заметили вовремя близкого селения. Голоса людей слышались так близко, что оба от неожиданности разом

упали в жгучий куст шиповника. Именно сейчас, к ночи, в соседстве с границей, следовало остерегаться чьих-либо глаз.

Двое подростков с самодельными удочками и ведерками в руках шли через поляну прямо на затаившихся людей, увлеченно обсуждая какую-то рыбацкую проблему. Еще десяток шагов — и «гостей» обнаружат. Самое опасное как раз в том, что их обнаружат прячущимися — тут и мальчишка заподозрит неладное. Начальник потянулся за ножом. Неужели он пойдет на убийство?.. И у напарника его не дрогнет рука, если, спасая шкуру, придется всадить нож в человека. Раздьявол притащил сюда этих удильщиков в неподходящую минуту — пусть забирает их души себе! Пугало другое: ночью мальчишек хватятся и к утру поднимут на ноги всю округу...

Младший из нарушителей внезапно увидел глаза своего господина и даже опешил: в них метался страх. Это был темный звериный страх, который одинаково толкает и на бегство от кажущейся опасности, и на бессмысленное убийство. Так вот он каков, этот «кремневый мужчина»!.. Осторожно и решительно стиснув руку начальника, шепнул: «Лежи...» Голова была ясной — может, все-таки не яд, а простой допинг был в темно-зеленом шарике? — и он мгновенно принял решение, вспомнив, что недавно им встретились следы одинокой лошади. Поднялся из-за кустов, медленно пошел навстречу рыболовам. Они, замедлив шаг, первыми поздоровались, и он выдал на лице улыбку.

— Много поймала рыба? — Говоря по-русски с сильным акцентом, он не слишком беспокоился: здесь живут не только русские.

— Не-е.. — Один из юных удильщиков огорченно качнул головой. — Рыба в жару ленивая, вон в ведерке — на уху только...

— Кобыла не видали? Такой рыжий, нога черный... Сбежала проклятый, день ищущу, двасать километр прошел...

Подростки действительно видели лошадь недалеко от устья ручья и даже заспорили, какой она масти — рыжей или гнедой?

— Ступай, дядя, по ручью к реке — там колхозные кони пасутся, и твоя, видно, к ним прибилась, — посоветовал один, что побойчее. — Там и заночуешь у пастухов, а то в село приходи.

— Однако, правда: устал маленько, у пастухов останусь.

Он постоял с минуту, глядя вслед рыболовам, гадая, станут ли они рассказывать в деревне о встрече в тайге с незнакомым человеком. Впрочем, если теперь и расскажут, ничего не случится: лошадь-то действительно была. Хорошо придумал. А завтра эти мальчишки забудут о случайной встрече. Он усмехнулся и вынул из кармана руку, в которой держал оружие...

А между тем уже через несколько шагов один из рыбачков насмешливо хмыкнул:

— Ищет лошадь, а без узды. Тоже мне бурят!

— Он не бурят,—ответил другой.—У меня у самого отец бурят. Так, как он, буряты не разговаривают.

— Стой, вспомнил: лошадь-то была бурая!

— Точно. Оттого и спорили мы — она ведь и не рыжая, и не гнедая. Вот те на!..

Подростки одновременно оглянулись. Позади уже никого не было. Зеленая таежная мгла безмолвствовала. И, наверное, впервые в жизни смутной, необъяснимой враждебностью повеяло на них из родного леса, всегда такого уютного, знакомого до кустика и травинки. Может быть, они уже догадались, что враждебность эту породил невысокий смуглый человек со скользкой, заискивающей улыбкой на тонких губах, которая так плохо вязалась с холодной настороженностью его взгляда.

В горах закаты коротки, ночи темны, рассветы медленны. В окнах — темень, по-летнему глубокая, прозрачно-густая, но, кажется, готовая в любой миг переродиться в свет — такая темень бывает лишь в начале июля, на самом переломе ночи. Этот перелом уже случился: словно невидимый вестник нового дня тихо вошел в комнату и, уж если разбудил, скоро заснуть не даст. Или беспокойство от ожидания похода? Или оттого, что койка напротив пуста? Засыпая, мы слышали ровное дыхание соседа, и не было посыльного, не трещал будильник, а сосед все-таки встал, неслышно собрался, неслышно ушел. Однако ж чему тут удивляться? С нами в комнате живет Николай Барков, старший лейтенант пограничных войск. Еще в солдатские годы прирос он к границе, понял, что не надо ему другой жизни. Потом, уже офицером, служил на заставах, где глухое безлюдье в тайге в соединении с угрозой провокаций учат той бдительной осторожности и вниманию, которые вырабатывают в человеке умение неслышно двигаться, не оставлять лишних следов, просыпаться в полной тишине по внутренним «часам» и многие другие привычки, свойственные лишь профессиональным охотникам, разведчикам и пограничникам.

Сейчас у Баркова редкостная должность, словно бы пришедшая из давних времен: командир РВК — ремонтно-кавалерийского взвода. В наши дни ее встретишь, пожалуй, лишь на границе, где земные пути недоступны ни колесу, ни гусенице. На заставе Барков в командировке, а в пограничных войсках есть такой закон: откуда бы и по какому бы делу ни прибыл офицер на заставу — он обязан сходить в наряд. Вот и Барков встал сегодня в ту самую минуту, которую себе назначил. Перед сном мы сказали ему, что едва ли сегодня стоит проверять участок, куда он собрался: старшим наряда там ефрейтор Пакулов, один из лучших пограничников на заставе. Барков хмыкнул:

— Старшим наряда плохих у нас не назначают. А проверяющие, между прочим, тоже охраняют границу.

В эту ночь перед походом в горы, кажется, начинаем понимать, отчего пограничники в большинстве своем, даже самые общительные, так скупно говорят о своей службе. По той же самой причине, вероятно, испытываешь безотчетное чувство вины, когда оказываешься гостем среди них. В сущности, пограничник на службе всегда, и ни часы досуга, ни сон не освобождают его от того главного, для чего поставлен он на линии государственной безопасности. Поначалу, бывает, и не поймешь, почему так мгновенно оторвался от книги солдат, кажется, с головой погруженный в повесть, и так же разом смолк оживленный разговор друзей в курилке, на полуслове прервал речь твой собеседник — а всего-то простучали поблизости торопливые шаги, послышался далекий рокот мотора, кто-то кого-то окликнул, взметнулись и кружат над речной поймой потревоженные птицы...

Кто хоть раз в жизни стоял на посту часовым, навсегда сохранит в памяти чувство оголенности собственных нервов — их задевает все, что допустимо глазу и слуху. Вот с таким чувством пограничник живет постоянно, вся его жизнь на границе — служба, а служба — жизнь. И размерена она особыми звеньями — не днями и ночами, как у большинства людей, а сменами пограничных нарядов. Звено входит в звено — чтоб ни щелочки в стальном поясе, незримо пролегающем по рубежам страны...

Странный пугающий крик влетает в окно, в нем как будто смешались вой волка и грубый лай бульдога с сиплым рычанием барса, угроза — с тоскливой жалостью. Какая трагедия разыгралась в ночных горах?.. Выхожу в сухую неостывшую темень с тем же безотчетным чувством вины перед соседом, который, оставив уютную койку, меряет сейчас шагами крутые версты ночной горной тайги. Мы всегда в долгу перед теми, чьи труды и лишения несравненно больше наших, кто переживает опасности, которые от нас далеки, принимает на себя ответственность, подчас равную самой жизни, ведь эта ответственность — за всех нас. Не оттого ли так уважаемы и любимы в народе зеленые фуражки!..

Ночь безлунна, в остывающем воздухе крупные забайкальские звезды колются острыми, жесткими лучами. Непривычно сдвинуты созвездия, на своем месте лишь Золотой кол — так древние жители здешнего края звали Полярную звезду — извечный маяк странников, пастухов, охотников и воинов. В ушах еще стоит непонятный крик, но спокойствие разлито в глухой черноте долины, в смутных очертаниях ближних гор, в сонном журчанье реки, бегущей по каменному ложу за стеной темнокудрявого ивняка, у самой границы освещенных подступов к заставе. Ни звука в казарме, ни шороха на вышке, где стоит наблюдатель, и шаги часового беззвучны в темноте.

Спокойствие в этой приграничной долине рождает застава.

Новый воющий крик прорвал тишину, эхом разлился над рекой, погас в ущельях, снова взмыл в той стороне, куда в вечерних сумерках со своим напарником уходил быстрым, мягким шагом Сергей Пакулов. Живо представились его серые, с голубоватым спокойным светом глаза на загорелом лице, услышалась ровная ясная речь: «Спрашиваете, что самое трудное в нашем деле?.. Боюсь и сказать. Трудности у каждого свои, а вот самое важное — подготовить себя к любой неожиданности. Что бы ни случилось — мгновенно принять верное решение и выполнить его. Это непросто. Тут, знаете, надо, чтобы и устав в самую кровь твою вьелся, и действия твои были доведены до автоматизма, а еще важнее — чтоб чей-то пример перед глазами стоял. По себе знаю, как действует пример старшего наряда на молодых, когда они только начинают ходить на границу... Это вроде формы, в которой отливаются будущий пограничник. — Усмехнулся какому-то воспоминанию, продолжал: — Мне первое время, особенно по ночам, все казалось, будто за каждым кустом кто-то сидит... Попробуйте в таком состоянии службу нести — ничего путного не выйдет. А посмотрю на старшего наряда — спокоен, внимателен, уверен, будто на тренировке. От его спокойствия и к тебе будто двойная сила прихлынет — и глаз острее, и слух, и рука крепче; все замечаешь, ко всему готов. Значит, настоящей опасности уже не проглядишь».

Для Сергея Пакулова признание немаловажное — ведь он забайкалец, из Читинской области. И после школы год чабанил, пообщился в степи и таежных сопках, попривык к зною и холодам, к звездным и грозным ночам, к пугающему крику сов и непонятым шорохам и голосам в темноте, дважды с товарищами отражал волчьи набеги на отары. И в погранвойска пришел добровольно, по комсомольской путевке, потому что по сердцу ему жизнь под открытым небом, когда тревоги, лишения и физическая усталость неотделимы от радостного сознания исполненной работы. А вот поди ж ты: «Мне первое время казалось...»

Да, граница — тот рубеж, где каждую минуту возможна встреча с таким волком, которого и близко не приравниешь к четвероногому. Но все же первые страхи молодого пограничника не от боязни самой опасности. Это боязнь — оказаться не готовым к опасности, проглядеть коварного врага или оставленный им след.

У Сергея Пакулова были хорошие учителя — начальник заставы майор Валерий Белянин, комсомольский секретарь младший сержант Виктор Мартынов, сержант Александр Ведерников... И когда у самого Пакулова появился подшефный — паренек из Удмуртии Александр Владыкин, Сергей все время помнил, кем были для него первые пограничные учителя, следил за каждым своим словом и жестом, зная, что завтра его повторит младший товарищ.

Сегодня Александра Владыкина нет рядом с ефрейтором Пакуло-

вым. Самым первым среди молодых солдат, прибывших на заставу из учебного подразделения, Владыкин выдержал строгий, беспристрастный экзамен, был назначен старшим наряда. Именно он вечером сдал пост своему наставнику, который ведет теперь пограничной тропой нового молодого солдата. Может быть, это старательный, застенчивый паренек Сергей Колупаев, которому служба дается труднее, чем его сверстникам, и азы пограничной службы пришлось проходить прямо на заставе. «До призыва в армию,— рассказывал он накануне,— слышал я, будто молодым солдатам иной раз тяжело служит. Я в том смысле, что на их долю и самый черный труд выпадает, и за старослужащих нередко приходится отдуваться. Прибыл на заставу, приглядываюсь. Встретили как своего, однако настороженность в душе оставалась. На другой день посылает меня командир отделения работать на конюшню. Ну, думаю, раз приехал необученным, не выбраться мне теперь с конюшни да с кухни. Только за работу принялся — появляются Сергей Манаенков и Михаил Белько. Оба второй год служат, старшие наряда, среди лучших солдат числятся. С шуточками берутся за дело вместе со мной, о лошадях рассказывают — у которой какой норов, показывают, как надо обращаться с каждым заставским скакуном. Мне, конечно, интересно их слушать, я на лошадей сразу стал другими глазами смотреть. Но все же спрашиваю: чего, мол, не отдыхаете?— ваше личное время. А Манаенков — мне: «При лошадях нам лучший отдых». Быстро управились, время осталось — в спортгородок они меня позвали с собой. Потренировались там, и еще осталось время в шахматы сыграть. В другой раз на складе работаю — снова свободные от наряда ребята приходят, за дело вместе со мной берутся, ни слова не говоря. Закончили, сержант — мне: «Ну-ка, пограничник, пойдем уставом займемся, а то у тебя с этим неладно. Скоро ведь на службу ходить станешь, быстрее подтягиваться надо». Стал я замечать: на нашей заставе такой негласный закон: если товарищи дело делают, а у тебя есть возможность — помоги. Конечно, каждый отвечает за то, что ему поручено, но никто не считает дело товарища чужим для себя. Как в хорошей семье. А идет это, по-моему, от начальника заставы майора Беянина и замполита лейтенанта Карташова. Чем бы ты ни занимался, они обязательно вникнут, проверят, подскажут, а то и покажут, как лучше и быстрее. На заставе немного людей, служба, сами понимаете, перерывов не знает, а никакое дело не в тягость... Я боялся, что заключают меня — знаний специальных не было, плановых занятий и тренировок мне не хватало, а всякий раз просить о помощи неловко — личное время у всех одинаково. Да только просить о помощи не пришлось — сами старослужащие предлагали помощь. Теперь вот хожу на службу, и получается не хуже, чем у других. И вспоминать-то неловко, с какими мыслями пришел на заставу...»

Это была демоверсия книги - Забайкальские заставы : Очерки. Документы. Хроника

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34